

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ИЛИ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

***Реферат.** В статье раскрываются генезис и дальнейшее употребление, толкование терминов «миросозерцание» и «мировоззрение» в контексте динамики российской гуманитаристики, философии и литературной критики. Устанавливается соотношение их содержаний в исторической динамике. Определяются коренные вербально-содержательные метаморфозы их интерпретации в российском литературоведении, философии и советской идеологии.*

***Ключевые слова:** мировоззрение, миросозерцание, миропонимание, Weltanschauung, субстанция народа, радикализм, литературоведение, идеология, неокантианство, сциентизм.*

Поворот российского общественного сознания и официальной идеологии в сторону воинствующего консерватизма, медленно разворачивающийся с начала 2000-х к началу 2014 года, стал явственным и глобален. Резкий отказ от общечеловеческих ценностей (с лицемерной их поддержкой в прагматических целях), противопоставление себя западной цивилизации и прославление собственной уникальной духовности стали явными трендами послекрымских настроений россиян и выступлений властной верхушки.

Одним из симптомов этого духовного переворота стало возвращение в гуманитарный дискурс двух, казалось бы, забытых концептов: «мировоззрение» и «миросозерцание». Правда, первый концепт все же сохранялся в учебниках философии, несмотря на деидеологизацию времен перестройки и ельцинского неолиберализма. Однако сфера его распространения была довольно узкой, да и то он всегда находился под подозрением за свое слишком явное диалектико-материалистическое происхождение.

Однако эти сталинские генетические корни отнюдь не смутили (а, возможно, и вдохновили) спирчрайтеров президента России. Слово «мировоззрение» все чаще стало появляться в выступлениях главы государства. Так, в одном из последних (23 июня нынешнего года перед участниками Общероссийского исторического собрания) Путин пафосно провозгласил: «Российская история – это основа нашего национального мировоззрения, культуры...» [1]. Все чаще слово «мировоззрение» стало появляться в научной, учебной, эзотерической, публицистической литературе и интернет-пространстве. В российском интеллектуальном дискурсе нынешние полуофициальные «властители дум» Проханов, Дугин и иже с ними не прочь порассуждать о «новом мировоззрении», «мировоззрении ариев», «геополитике как мировоззрении» и прочих приятных уху современных средних россиян вещах. А некий «Тимур» в книге под символическим названием «Бог, Путин,

люди» ратует вообще за учреждение в России «коллективно утвержденного мировоззрения» [2, с.148].

Если «мировоззрение» – термин светский (в худшем случае эзотерический¹), то понятие «миросозерцание» в современной российской литературе имеет «духовную» (т. е. православную) смысловую нагрузку. Церковные иерархи, святители и прочие «праведники» все больше пишут о «христианском миросозерцании», православном миросозерцании» и даже «Об истинном монархическом миросозерцании»². При этом «миросозерцание» имеет более личностный и мистический характер, нежели светское «мировоззрение». Так, ближайший соратник нынешнего патриарха митрополит Иларион (Алфеев) в 2010 году выпустил книгу «Патриарх Кирилл: жизнь и миросозерцание» [3], в которой повествует о становлении православного миросозерцания правящего святителя. Хотя в середине XIX века, когда слово «миросозерцание» прочно ассоциировалось с материализмом и нигилизмом, услышать подобное из уст священнослужителя было немислимым.

Все это заставляет нас обратиться к анализу процесса возникновения и исторических метаморфоз слов «мировоззрение» и «миросозерцание», который весьма интересен и поучителен.

Как-то сто лет назад, перед самым большевистским переворотом, словно подводя итоги почти столетнего владычества литературной критикой умами интеллигентной русской публики, русско-еврейский философ Лев Шестов в своей статье «Вячеслав Великолепный» напишет: «Миросозерцание – издавна любимое слово русских писателей и читателей. С тех пор как в России начали «мыслить», пишущие и читающие люди ищут у нас миросозерцания: можно сказать, что успех писателя в России прямо измерялся широтой и всеобъемлемостью его миросозерцания» [4, с. 243].

Слова «мировоззрение» и «миросозерцание» являются кальками-переводами одного немецкого слова «Weltanschauung». Это слово, изобретенное И. Кантом, составлено из немецких слов: «Welt» – мир и «Anschauung» – взгляд, созерцание, интуиция, наглядное представление. Интересно, что именно второе слово является составленным с префиксом «an», что придает усиления или конкретизации и корня «schauung» – созерцание (конTEMPLация, das Schauen), т. е. связано с мистическим, внутренним зрением, которое свойственно религиозному экстазу. Хотя слово «Anschauung», которое является одним из ключевых в критической философии, было переосмыслено Кантом и стало означать наглядное непосредственное представление, интуицию. В английском, французском, итальянском, испанском языках «Anschauung» переводится словом «интуиция» (франц., англ. – intuition, итал. – intuizione, исп. – intuición).

¹ Так создатели сайта «Мировоззрение» пишут: «Этот сайт – на границе веры и неверия. Этот сайт – для любителей искать Истину, в отношениях, в науке, в мировых религиях, эзотерике и духовных учениях» (См.: // <http://s30704436973.mirtesen.ru>)

² http://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Sobolev/ob-istinnom-monarkhicheskom-mirosozertsanii/

В российском философском дискурсе, который возникает под огромным влиянием немецкого романтизма и классики, первый перевод-калька с немецкого «Weltanschauung» – «миросозерцание» связан с деятельностью студенческого кружка профессора Московского университета Михаила Павлова и его земляка-пансионера Николая Станкевича¹. К этому кругу принадлежали также «неистовый Виссарион» – недавно исключенный из Московского университета, «ересиарх» российской демократии Белинский и два будущих политических антагониста – основатель анархизма Михаил Бакунин и духовный лидер российских монархистов-охранителей Михаил Катков. Среди завсегдатаев пансиона «дома Павлова» на Большой Дмитровке были также Константин Аксаков, Василий Боткин и другие известные в будущем, так и забытые впоследствии личности. Именно здесь в прокуренных комнатах первого этажа знаменитого дома, среди громких дебатов за чаем с сухарями и звуков фортепиано рождается российский аналог немецкого Weltanschauung'a – «миросозерцание». В чьих устах оно прозвучало впервые – сказать сейчас практически невозможно, но наиболее вероятными «претендентами на изобретение» являются знатоки модного тогда немецкого идеализма Бакунин и Катков². Белинский, который так и не смог овладеть ни одним иностранным языком, подхватил у своих собеседников это словечко-кальку и сделал его орудием своей сокрушительной критики и любимым словом всей российской литературной публицистики.

На протяжении своей недолгой жизни Белинский пережил несколько идеологически-философских увлечений, он был последователем Шеллинга, то апологетом Фихте, наконец, в конце 30-х годов провозгласил себя правоверным гегельянцем. Все эти увлечения, как и у любого «настоящего россиянина» сопровождались упрощением, идеологизацией и фанатичным отстаиванием своей позиции с неистовой критикой своих противников. Под влиянием молодого друга Бакунина, Белинский пытался создать философскую литературную критику на основании понимания истории как «саморазвития Абсолютного Духа, как стройную и величественную картину разумных и великих событий». Именно здесь ему и пригодилось и новосозданное понятие *миросозерцание*.

В своем обзоре «Русская литература в 1840 году», опубликованном в «Отечественных записках», он пишет: «Источником литературы народа может быть не какое-нибудь внешнее побуждение или внешний толчок, но только *миросозерцание* народа. Миросозерцание всякого народа есть зерно, сущность (субстанция) его духа, тот инстинктивный внутренний взгляд на мир, с

¹ Интересным является проблема использования слова «мировоззрение» в первом философическом письме П. Я. Чаадаева (1829), но это всего лишь ошибка позднейшего переводчика (свои философские письма Чаадаев писал по-французски), который передал французское point de vue (точка зрения) словом «мировоззрение».

² Однако в их произведениях (1838) «Предисловие к “Тимназическим речам Гегеля”» Бакунина и переводе статьи Г. Ретшера «О философской критике художественного произведения» Каткова оно еще не встречается, есть лишь выражения «созерцание» и «созерцание мира и жизни».

которым он рождается, как с непосредственным откровением истины, и который есть его сила, жизнь и значение, – та призма с одним или несколькими первосущными цветами радуги, сквозь которую он созерцает тайну бытия всего сущего. Миросозерцание есть источник и основа литературы. Это фон, на котором рисуются ее картины, канва, по которой вышиваются ее узоры» [5, с. 707].

Таким образом, Белинский считает концепт «миросозерцание» ключевым в своей теории национальной литературы. При этом отметим, что «миросозерцание», согласно Белинскому, – это коллективное бессознательное (инстинктивный внутренний взгляд на мир), которое напоминает будущие юнговские архетипы. Исходя из примордиалистского понимания генезиса наций, он утверждал существование в каждом народном духе с «рождения» уже некой «призмы» с определенными первичными «цветами радуги» (у некоторых, видимо «обделенных» духом народов, – одним «цветом»), сквозь которую каждый народ как коллективный субъект «созерцает тайну бытия». Надо к тому же заметить, что Белинский был сторонником «расового» различия народов: «причиной их субстанции надо положить кровь и породу (гасе)» – писал он. И далее: «Сущность всякой национальности состоит в ее субстанции. Субстанция есть то непреходимое и вечное в духе народа, которое, само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и невредимо проходит через все фазы исторического развития. Это зерно, в котором заключается всякая возможность будущего развития» [6, с. 123].

Таким образом литературная критика «неистового Виссариона», которая синкретично объединяла гегелевскую диалектику с романтическим интуитивизмом, порождает один из ключевых концептов русской классической литературной критики – понятие «миросозерцание». У Белинского оно по смыслу приближено к современному понятию «ментальность» и означало, прежде всего, «коллективное бессознательное» определенного народа, которое находит свое отражение в «лучших образцах» литературного творчества его гениев.

Несколько иную, более «индивидуалистическую», коннотацию приобретает этот термин в литературной критике еще одного оракула «русской демократии» – Николая Добролюбова. Он понимает миросозерцание как «личное клеймо», «ментальный бренд» мастера художественного произведения. В частности, он писал: «В произведениях талантливого художника, как бы они ни были разнообразны, всегда можно примечать нечто общее, характеризующее все их и отличающее от произведений других писателей. На техническом языке искусства принято называть это *миросозерцанием* художника» [7, с. 12].

Миросозерцание, по Добролюбову, является живым, интуитивным, целостным ощущением действительности, которое вдохновляет писателя к творчеству. Мироззрение отражается в типизации, во всей силе художественных произведений. А убеждения носят чисто логический характер, и они часто формируются под влиянием общественного контекста. Писатель не

всегда в своем творчестве следует своим убеждениям, но всегда – своему «миросозерцанию» (если он талантливый писатель).

Несколько иной позиции относительно роли миросозерцания в создании художественного произведения придерживался идейно близкий к Н. Добролюбову «промоутер» социального радикализма, «гегемон» российской гражданской мысли 60-годов XIX века Н. Г. Чернышевский. Автор «довольно нудного» романа «Что делать?» главным считал идейность автора, книги и «общественную полезность» последней. Художественная ценность произведения зависит не от народности мировоззрения автора или эстетических достоинств книги, а от поднятых в произведении общественных проблем, от того духа, в котором намечается их решение, и от общественной ситуации. Впрочем, и Чернышевский, и Добролюбов считали, что идеальные условия для творчества возникают тогда, когда «теоретические убеждения» и «миросозерцание» художника находятся в гармоничном единстве. Но в случае несоответствия или даже противоречия Чернышевский убежден, что «ошибочное направление губит самый сильный талант». Добролюбов утверждает обратное: «талант», «художническая натура», «миросозерцание» всегда победят «ложное направление» и окажутся не только в виде частных добродетелей, как считал Чернышевский, но и в том, как передадут правду жизни. Таким образом, для Чернышевского приоритетом являются идейные убеждения, а для Добролюбова еще важным фактором остается авторская интуиция или личное «миросозерцание».

Вообще Н. Г. Чернышевский придает понятию «миросозерцание» несколько иной смысл, чем его предшественники Белинский и даже его ближайший друг и соратник Н. А. Добролюбов. В своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» он пишет о миросозерцании как «системе понятий», которая возникает на основании выводов, вытекающих из «строного, беспристрастного исследования фактов при настоящем развитии естественных, исторических и нравственных наук». Он полагает, что «современное миросозерцание считает науку и искусство такими же насущными потребностями человека, как питание и дыхание» [8, с. 115]. В трудах Н. Г. Чернышевского смысл понятия «миросозерцание» окончательно теряет мистически-интуитивную составляющую (в духе Шеллинга) и превращается в рационалистическую «систему взглядов и убеждений», которые формируются под влиянием общественной среды, воспитания и самовоспитания.

Под влиянием «властителей дум» радикальной российской молодежи Белинского, Чернышевского и Добролюбова слово «миросозерцание» становится своеобразным «шибболетом» и любимым словом всей «передовой» российской литературной публицистики второй половины XIX столетия.

Однако, в середине XIX века в русском языке происходят интересные семантические сдвиги, породившие новый перевод «Weltanschauung» – «мировоззрение», который появляется прежде всего в трудах ученых-позитивистов, пытавшихся противопоставить пассивному «созерцанию»

понимающее «воззрение», хотя и то, и другое являются русскими книжными аналогами немецкого «Anschauung».

Первым его использовал российский либеральный историк и публицист К. Д. Кавелин, который определенным образом противопоставляет «мировоззрение» «миросозерцанию». Для него мировоззрение – система взглядов на природу и общество, а миросозерцание – это чувственное, интуитивное восприятие действительности, что может быть присущим как определенной личности, так и социальной группе (народу, религиозной общине, исторической эпохе). В своей работе «Наш умственный строй» (1875) он писал о противоположности двух мировоззрений: материалистического и идеалистического, которые определяют «миросозерцания», «настроения, царящие в нашем просвещенном обществе» [9, с. 310]. Однако, четкого разграничения терминов «миросозерцание» и «мировоззрение» у Кавелина нет (иногда он пользуется этими словами как взаимозаменяемыми, тождественными по смыслу).

Окончательно термин «мировоззрение» в российском дискурсе приживается лишь в начале XX столетия. Так, в 1900 г. новоизбранный молодой профессор В. И. Вернадский выступает с докладом о научном мировоззрении в Московском психологическом обществе. С «легкой руки» Вернадского слово «мировоззрение» приобретает (в противоположность слову «миросозерцание», которое сохраняет литературно-публицистическую окрашенность) прежде всего сциентистское измерение, а предикат «научный» становится его обязательной частью. Именно в этом смысле использует это понятие И. Мечников в названии своей знаменитой работы «Сорок лет поиска рационального мировоззрения» (1913).

Новый русский перевод немецкого «Weltanschauung» – «мировоззрение» приобретает особую популярность в 10-е годы XX столетия под влиянием господствующего в то время в немецкой академической философии неокантианства. Непосредственные ученики Виндельбанда и Риккерта «гейдельбергцы» Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко и близкие им по философским интенциям С. Л. Франк, а впоследствии и глава «русского интуитивизма» Н. О. Лосский стали, подобно неокантианцам, рассматривать «мировоззрение» не только как духовную основу философии, но и как «конечный продукт» философствования, его практическое следствие. Апофеозом этого «омировоззрениевания» философии является знаменитая дефиниция С. Л. Франка «философия есть рационально или научно обоснованное учение о целостном мировоззрении» [10, с. 8].

Впрочем, до 1920-х годов XX века (а в эмиграции – и позже) в русском философском, литературоведческом и публицистическом дискурсах вместе со словом мировоззрение продолжало использоваться и слово миросозерцание. Поддерживали его существование эпигоны российской «передовой» литературной критики Н. К. Михайловский, Н. А. Антонович, Н. В. Шелгунов, впоследствии Г. В. Плеханов и А. В. Луначарский. К нему обращаются и

представители противоположного идеологического лагеря М. Н. Катков, Ф. М. Достоевский и М. М. Страхоб.

Широкую популярность приобретает этот термин и в русской религиозной философии, начиная с В. С. Соловьева, который писал о специфике «средневекового миросозерцания». Любимым делом российских философов, литературных критиков и публицистов всех направлений становится выявление личностного миросозерцания мыслителей, художников и политиков прошлого и своих современников. Наиболее яркими работами среди этого потока «мировоззренческих» опусов были труды М. Трубецкого, посвященные Августину Аврелию («Миросозерцание Блаженного Августина», 1892) и Владимиру Соловьеву («Миросозерцание Вл. С. Соловьева» в 2 т., 1913). «Классической» работой из этой серии может считаться книга Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского», написанная в советской России, но опубликованная уже в Праге в 1923 году. Слово «миросозерцание» сохранится в русской эмигрантской (особенно церковно-православной) литературе и вернется в Россию лишь в конце 80-х годов.

Однако, необходимо отметить, что этим словом не брезговали (по крайней мере до 30-х годов) и «прогрессивные», леворадикальные публицисты, в том числе и марксисты. Кроме упомянутых выше Г. В. Плеханова и А. В. Луначарского к термину «миросозерцание» довольно часто прибегал В. И. Ленин. Более того, считая себя настоящим идейным наследником кумиров своей молодости Добролюбова и Чернышевского, он утверждал, что только марксизм является тем вожденным истинным и целостным «миросозерцанием», которое «Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв» [11, с. 8]. Учение Маркса, писал Ленин, «полно и четко, дает людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета» [12, с. 43]. Нужно отметить, что «вождь мирового пролетариата» использовал лишь слово «миросозерцание», причем весьма не злоупотреблял им: в Полном собрании его сочинений (55 томов) оно употреблено лишь немногим более в 50-ти случаях.

Впрочем, вскоре коммунистической идеологии пришлось отказаться от использования слова «миросозерцание», возможно под влиянием язвительной критики Л. Д. Троцкого. В частности, «демон русской революции» в одной из своих статей провозгласил своеобразный «исторический приговор» данному понятию: «Английская и французская буржуазия строила новое общество по образу своему. Германская пришла позже, и ей пришлось в течение долгого времени сидеть на овсяном отваре философии. Немцы выдумали слово «миросозерцание», которого нет ни у англичан, ни у французов: в то время как западные нации создали новый мир, немцы созерцали его. Но немецкая буржуазия, убогая в политическом действии, создала классическую философию – и это немалый вклад. Русская пришла еще позже. Правда, она перевела немецкое слово «миросозерцание» на русский язык, притом в нескольких вариантах, но этим только ярче обнаружила наряду с политической

импотенцией убийственную философскую скудость. Она импортировала идеи, как и технику, установив для последней высокие пошлины, а для первых – карантин страха» [13, с. 254].

Сам же Троцкий предпочел термину «миросозерцание» собственное – «миропонимание». В письме в редакцию журнала «Под знаменем марксизма» он писал: «Материалистическое миропонимание не только открывает широкое окно на всю вселенную, но и укрепляет волю» [14, с. 186]. Впрочем, слово «миропонимание», по понятным причинам не получило должной популярности.

Хотя, вплоть до установления сталинского стандарта «мировоззрение», в философии, а особенно в литературоведении, обсуждались различные варианты перевода «Weltanschauung» с учетом их соответствия требованиям новой идеологической парадигме. Так, уже в 1932 году Максим Горький в статье «О пьесах» попытался определенным образом систематизировать все это «словотворчество». «Отношение людей к миру удобно, – писал он, – хотя это будет несколько грубовато – разместить в четыре формы: мироощущение, т. е. пассивное ощущение действительности, как цепи различных и устранимых противодействий росту и движению человека; миросозерцание – настроение равнодушное и «объективное», доступное только тем, кто еще обеспечен сытостью, покоем, безопасностью и уверен, что на его век всего этого хватит; мировоззрение – система «радикальных» взглядов, усвоенных в семье и школе, дополненных чтением разнообразных книг, – о человеке, обладающем такими универсально гибкими взглядами, прекрасно и метко сказано:

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет.

А самым драматическим героем современности является человек миропонимания, – он стремится изучить и понять мир в целях полного освоения его, как своего хозяйства. Он – человек нового человечества, большой, дерзкий, сильный» [15, с. 420].

Но к середине 30-х годов время «дерзких и сильных» людей окончательно прошло (Троцкий уже был за границей, его соратники – в тюрьме и лагерях, впрочем, как и их многочисленные противники), настало время людей с «универсально гибкими взглядами», умеющими следовать изменяющейся, но вечно истинной «линии партии»; настало время *мировоззрения*.

Именно это сциентистско-неокантианское по своему происхождению слово станет символом коммунистической философии, идеологии и пропаганды. «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии» [16, с. 3] – эта догматическая формула Сталина, приведенная в самом начале очерка «О диалектическом и историческом материализме» (которая стала 2-м параграфом 4-й главы катехизиса советского коммуниста – «Краткого курса истории ВКП(б)», станет основой всего последующего советского мировоззренческого дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимир Путин поговорил об истории с учеными // Российская газета. – № 6994 – 22.06.2016. – С. 1.
2. Иларион (Алфеев), архиепископ Волоколамский. Патриарх Кирилл. Жизнь и мирозерцание / Иларион (Алфеев) – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2009. – 580 с.
3. Шестов Л. Вячеслав Великолепный. К характеристике русского упадочничества // Л. Шестов. Сочинения в 2-х томах. – Том 1. – М.: Наука, 1993. – С. 243–277.
4. Тимур. Бог, Путин, люди. / Тимур. – (б.м.), 2015. – 286 с.
5. Белинский В. Г. Русская литература в 1840 году // В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. – Т. I. Статьи и рецензии. 1841–1845. – М., ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. – С.697–736.
6. Белинский В. Г. <Россия до Петра Великого> Статья II // В. Г. Белинский. Собрание сочинений в 9 т. – Т.4.: Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 - март 1842. – М., «Художественная литература», 1979. – С.91–152.
7. Добролюбов Н. А. Темное царство // Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в 9 т. – Т. 5. – М., 1962. – С. 7–139.
8. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности (Диссертация) // Н. Г. Чернышевский. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1986. – С. 71–173.
9. Кавелин К. Д. Наш умственный строй // К. Д. Кавелин. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 307–319.
10. Франк С. Л. Введение в философию в сжатом изложении / С. Л. Франк. – С-Пб: Абрис-книга, 1993. – 96 с.
11. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 2-е изд. – Т. 41. – С.4–104.
12. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 2-е изд. – Т.23. – С. 43–48.
13. Троцкий Л. Д. История русской революции: в 2 т. / Л. Д. Троцкий. – Т. 1.: Февральская революция. – М.: Терра, Издательство «Республика», 1997. – 464 с.
14. Троцкий Л. Д. Внимание к теории. Письмо в редакцию журнала «Под знаменем марксизма» // Л. Д. Троцкий. Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М.: Директ-Медиа, 2015. – С.182–186.
15. Горький М. О пьесах // М. Горький. Собрание сочинений в 30 т. – Т. 26: Статьи, речи, приветствия. 1931–1933. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. – С. 409–426.
16. Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме / И. В. Сталин. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. – 86 с.

REFERENCES

1. Vladimir Putin pogovoril ob istorii s uchenymi // Rossiyskaya gazeta. – № 6994 – 22.06.2016. (in Russian)
2. Ilarion (Alfeev), arhiepiskop Volokolamskiy. *Patriarh Kirill. Zhizn i mirosozercanie*. Moscow: EKSMO-PRESS, 2009. (in Russian)
3. Shestov L. *Vyacheslav Velikolepnyy. K karakteristike russkogo upadochnichestva* // L. Shestov. *Sochineniya v 2-h t. – tom 1.* – Moscow: Nauka, 1993. (in Russian)
4. Timur. *Bog, Putin, lyudi*. (b.m.), 2015. (in Russian)
5. Belinsky V. G. *Russkaya literatura v 1840 godu* // V.G. *Sobranie sochineniy v treh tomah. – T. I. Stati i recenzii. 1841-1845.* Moscow: OGIZ, GIHL, 1948. (in Russian)
6. Belinsky V. G. *<Rossiya do Petra Velikogo> Statya II* // Belinsky V.G. *Sobranie sochineniy v 9 t. – T.4.: Stati, recenzii i zametki. Mart 1841 – mart 1842.* Moscow: «Hudozhestvennaya literatura», 1979. (in Russian)
7. Dobrolyubov N. A. *Temnoe carstvo* // N. A. Dobrolyubov. *Sobranie sochineniy v 9 t. – T. 5.* Moscow, 1962. (in Russian)
8. Chernyshevskiy N. G. *Esteticheskie otnosheniya iskusstva k deystvitelnosti (Dissertaciya)* // Chernyshevskiy N. G. *Sochineniya: v 2 t. – T. 1.* Moscow: Mysl, 1986. (in Russian)
9. Kavelin K. D. *Nash umstvennyy stroy* // K. D. Kavelin *Nash umstvennyy stroy: Stati po filosofii russkoy istorii i kultury.* Moscow: Izdatelstvo «Pravda», 1989. – (in Russian)
10. Frank S. L. *Vvedenie v filosofiyu v szhatom izlozhenii.* St. Petersburgs: Abris-kniga, 1993. (in Russian)
11. Lenin V. I. *Detskaya bolezn "levizny" v kommunizme* // V. I. Lenin. PSS. – T. 41. (in Russian)
12. Lenin V. I. *Tri istochnika i tri sostavnyh chasti marksizma* // V. I. Lenin. PSS. – T.23. (in Russian)
13. Trocky L. D. *Istoriya russkoy revolyucii: v 2 t. – T. 1.: Fevral'skaya revolyuciya.* Moscow: Terra, Izdatelstvo «Respublika», 1997. (in Russian)
14. Trocky L. D. *Vnimanie k teorii. Pismo v redakciyu zhurnala «Pod znamenem marksizma»* // L. D. Trocky. *Problemy kultury. Kultura perekhodnogo perioda.* Moscow: Direkt-Media, 2015. (in Russian)
15. Gorky M. *O pesah.* // M. Gorky. *Sobranie sochineniy v 30 t.: T. 26: Stati, rechi, privetstviya. 1931-1933.* Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoy literatury, 1953. (in Russian)
16. Stalin J. V. *O dialekticheskom i istoricheskom materializme.* Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1950. (in Russian)

АНОТАЦІЯ

Попов В. Ю. Світогляд або світоспоглядання: історичні метаморфози.

У статті розкриваються генеза та подальше використання та тлумачення термінів «світогляд (мировоззрение)» та «світоспоглядання (миросозерцание)» у контексті динаміки російської гуманітаристики, філософії та літературної критики. Встановлюється співвідношення їхніх змістів в історичній динаміці. Визначаються докорінні вербально-змістовні метаморфози їхньої інтерпретації в російській філософії та радянській ідеології.

Ключові слова: світогляд, світоспоглядання, світорозуміння, Weltanschauung, субстанція народу, радикалізм, літературознавство, ідеологія, неокантіанство, сцієнтизм.

SUMMARY

Vladimir Popov. «Mirovozzrenie» or «Mirosozercanie»: the Historical Metamorphosis.

The turn of Russian public consciousness and official ideology in the direction of militant conservatism is the reason for writing this. The emergence of the terms «mirosozercanie» and «mirovozzrenie» in public-political discourse is a symptom of a return to old Soviet-Orthodox rhetoric. Analysis of the process of the emergence and historical metamorphosis of the words «mirovozzrenie» and «mirosozercanie» are the target of the article.

The words «mirosozercanie» and «mirovozzrenie» are translations-calques German word «Weltanschauung», which appeared in the philosophy of Kant and the romantics. First, the word «mirosozercanie» Belinsky uses in the article «Russian literature in the 1840s» (1841). The meaning of this term is closest to the modern concept of «mentality»; it meant «collective unconscious» of a people, which is reflected in the best examples of literary creativity of his genius.

N.A. Dobrolyubov offers a different interpretation of the concept of «mirosozercanie». It means is alive, intuitive, holistic awareness of Reality, which inspires the writer to be creative. N.G. Chernyshevsky gives the notion of «mirosozercanie» a somewhat different meaning than its predecessors Belinsky and N.A. Dobrolyubov. He understands this word as a rationalistic system of views and beliefs that are influenced by the social environment, education and self-education.

The word «mirosozercanie» the favorite word of all «front line» of the Russian literary journalism of the second half of the nineteenth century stated in this article. This word is used N.K. Mikhailovsky, G.V. Plekhanov, A.V. Lunacharsky, V.I. Lenin.

The word «mirovozzrenie» is the German word «Weltanschauung» as well. It appears later in the Russian language and has a different meaning. K.D. Kavelin first uses it in the article «Our mental system» (1875). «Mirovozzrenie» meant a scientific philosophic rational awareness of reality. V.I. Vernadsky, F.A. Stepun, B.V. Yakovenko, S.L. Frank, N.O. Lossky used the term widely.

Consistency of terminology in Soviet ideology and philosophy was absent initially. Trotsky proposed to remove the words «mirosozercanie», replace them with «miroponimanie». Gorky discerned the meaning of «mirosozercanie», «mirovozzrenie» and «miroponimanie». Only the last word he thought appropriate to the new man in Soviet society. However, in the Soviet philosophy was utvidelse new «standard» – mirovozzrenie. Stalin adopted it in his essay «O dialekticheskom i istoricheskom materializme» (1938). This «standard» will be the basis of the Soviet Marxist-Leninist philosophy.

Key words: *mirosozercanie, mirovozzrenie, miroponimanie, worldview, Weltanschauung, the substance of the people, radicalism, literary criticism, ideology, neo-Kantianism, scientism.*